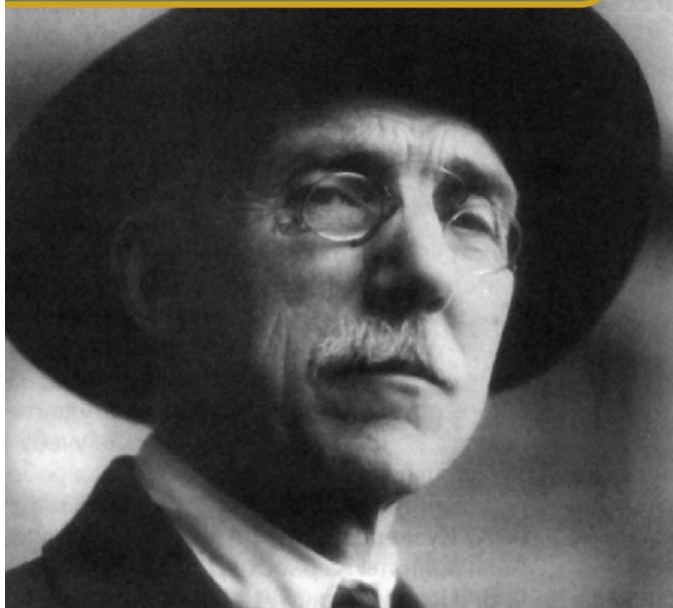

БОРИС ЖИТКОВ

ПЕКАРНЯ

«Пекарня» — произведение русского писателя Бориса Степановича Житкова (1882–1938).***

«Пекарня» — рассказ Бориса Житкова о невероятных приключениях одного инженера. Сначала его похитили, потом заставили руководить работами по рытью тоннеля под государственный банк. Что ждет главного героя по окончанию работ?

Борис Степанович Житков — автор популярных рассказов для детей, приключенческих рассказов и повестей на морскую тематику и романа о событиях революции 1905 года. Перу Бориса Житкова принадлежат такие произведения: «Зоосад», «Коржик Дмитрий», «Метель», «История корабля», «Мираж», «Храбрость», «Черные паруса», «Ураган», «Элчан-Кайя», «Виктор Вавич», другие.

Борис Житков, мастерски описывая любые жизненные ситуации, четко определяет полюса добра и зла, верит в торжество справедливости. Писатель даже в обычной повседневности видит неповторимую красоту жизни, побуждая читателя быть внимательным к окружающему миру, пытаться разгадать загадки природы, заботиться о «братьях наших меньших».

По мотивам произведений Бориса Житкова сняты мультипликационные фильмы для самых маленьких, художественные фильмы.

И сегодня творчество Б. Житкова не утратило своей познавательной и эстетической ценности, учит любить жизнь во всех ее проявлениях.

Борис Житков

ПЕКАРНЯ

Как-то раз на пирушке у товарища, меня обидели, хозяин не заступился, я хлопнул дверью и вышел не попрощавшись.

Это было как раз недели через две после того, как ушли от нас красные и в город ввалились белые.

Дело было в слободке. Места я не знал и злыми шагами пошел наугад вдоль забора. Но забор кончился, и скользкая, мокрая дорога пошла под гору. Я очутился в овраге. Наверху, на той же стороне, мутными зубьями чернели лачуги. Я стал карабкаться вверх по липкой грязи, но пьяная лень одолела — я лег на мокрый откос и решил ждать до утра.

Я уже стал засыпать, как вдруг почувствовал, что на мою мокрую кепку хлынула волна не то песку, не то какого-то зерна. Я насторожился. Волна повторилась. Я схватил рукой: не зерно, не песок, а сухая земля. Я привстал и глянул наверх: две человеческие фигуры маячили на краю оврага. Теперь я ясно увидел, как они вывернули мешок. Сухая земля снова докатилась до меня. Хмель соскочил с меня. Все Пинкертоны, которых я читал,

вихрем закружились в голове. Я обрадовался, что не крикнул.

Я шепотом сказал себе:

— Федя, не зевай шанс, здесь тайна. Ты один, без помощников, откроешь ее.

Я взял горсть этой земли и сунул в карман. Шерлок Холмс, пожалуй, тоже не прозевал бы.

Наверху фигуры исчезли. Я встал на четвереньки и кошкой пополз наверх. Я осторожно огляделся. Передо мной был поломанный забор. Наверное, они ушли туда. Я боялся переступить: во дворе, наверное, собака. Я воровски обошел двор и оказался на улице. Направо я увидел пароконный фургон и трех человек около него. Яркий свет из отворенной двери освещал всю группу. Я прислушался: они говорили не по-русски, а на каком-то кавказском наречии. «Теперь осторожность и храбрость: надо пройти мимо них и заметить лица».

Пьяной походкой я прошел по мосткам, я был весь в грязи, и меня легко было принять за гуляку. Я поматывал головой. На фургоне я успел прочесть: «Пекарня Тер-Атунянц». Я осторожно мазнул глазами по лицам — так и есть, бородатые кавказские лица. Один высокий, кривой: левого глаза нет. В освещенную дверь я увидел внутренность обыкновенной булочной.

«Тьфу, кажется, я зря пинкертонил! Обычное дело: всегда по ночам разносят хлеб в булочные. Пожалуй, они не сыпали землю».

Я прошел еще десять шагов и пьяно прислонился к забору. Кавказцы замолкли.

Боком глаза я следил за ними из темноты. Вдруг высокий повернулся и пошел ко мне по мосткам. Он стал вплотную против меня, чиркнул спичку и поднес к моему лицу. Признаюсь, душа сползла у меня в пятки. Я, как мог, распустил губы и сопел носом.

— Кто такой? — сказал кавказец и опять чиркнул спичку.

Я приоткрыл глаза. Лицо его показалось мне страшным: будто дуло из кустов, глядел из-под брови его единственный глаз. Он что-то крикнул своим, и те двое затопали ко мне по мосткам.

— Ты здешний, слободский?

— Нет, — просопел я и помотал головой.

Но двое взяли меня за руки, а третий стал шарить по карманам. Он нащупал землю, захватил ее в горсть, что-то крикнул своим, и меня повели в булочную. На свету они рассматривали землю, а косой крепко держал меня за руку. Немилым глазом смотрели они на меня.

— Городской, говоришь? — сказал кривой. — Заблудился? Подвезем.

Вот мы въехали в город, замелькали уличные фонари. Из фургона я увидал собор. Вот Государственный банк, и часовой у фонаря. Вот свернули в переулок, и фургон стал. Меня под руки ввели в пекарню; крепко пахло свежим хлебом. Ранние покупатели толклись у прилавка. Мои провожатые весело гоготали. И вот я уже в задней комнате: голые лавки по стенам, деревянный стол, счетная книга и тусклая электрическая лампочка с потолка. Кроме тех двух, что меня привели, появилось еще двое. Кривой начал допрос:

— Зачем землю брал?

Я сказал, что взял землю спяна, наобум, и сейчас же стал говорить про себя. Сказал, что я дорожный мастер, что сейчас я без места, что кавказцев люблю, потому что работал на Кавказе, делали тоннель.

— Это вам не хлеб печь! Это, знаете, с одной стороны гору копают, а с другой — им навстречу. Одни других не видят, а надо, чтобы сошлись.

Я уже развалился, размахивая руками, слюнил палец и чертил на столе.

— Гора каменная, работа трудная, а вдруг попадут мимо, не сойдется — миллионы пропали. Инженер ночей не спал. Вот пришло время, вбегают инженер, бледный, вот как эта стенка. Что, спрашивает, не слышно? Нет, говорим, не слышать. Ничего не сказал и убежал. Убежал и застрелился.

А через полчаса мы через дырочку уже прикуривали у тех, что с той стороны. И весь тоннель сошелся, будто кто гору буравом просверлил. Это вам не калачи в печку сажать.

Я глядел на них, как они слушали. У всех глаза блестят, по коленкам себя стучают, повеселели. Вижу: моя взяла. Я поднялся.

— Так вот то-то, — говорю. — Дайте мне теперь закурить, и я пошел, а то, гляди, уж день на дворе.

Но кривой взял меня за руку и придавил к лавке.

— Ты сиди, никуда отсюда не пойдешь... Хочешь быть живым, месяц будешь у нас работать.

Я посмотрел на всех, все серьезно глядят.

— Бросьте, — говорю, — шутки шутить. Уж седьмой час, наверное.

Смотрю, один, маленький, против меня на лавке сидит и из-под полы кинжал показывает. Новенький, блестящий. То на меня глянет, то на кинжал. Я последний раз попробовал.

— Да вы что, в самом деле? — сказал я. — Это же...

И тут я заплакал. Они молчат. Я бросил плакать.

Тогда кривой стукнул ладошкой об стол, как камнем кинул.

— Плакать еще потом будешь. Слушай дело. — И тут он рассказал мне в чем дело.

Они сняли пекарню. Для вида пекут хлеб, а сами ведут подкоп наискосок под улицей в Государственный банк, в самую главную кладовую. Значит, роют тоннель. Ты, мол, тоннельный мастер, ты нам нужный человек, и вот мы тебе доставим все, что надо, веди нашу работу. Времени у нас осталось две недели. До того времени ты из тоннеля не выйдешь, а если в кладовую тоннеля не потрапишь, тогда в этом тоннеле тебя и закопаем.

Я спрашиваю:

— Живого?

А они смеются.

— Что ж, — говорят, — можно и живого, тебе от этого пользы мало будет. Понял? — спрашивают.

Я подумал: «Куда ж я это попал? Что за люди? Ну, Федя, влопался ты! Страшные это люди».

А они в полу открыли люк. Там у них в полу отделан ход и целая горенка с электрическим освещением. Хороший стол. Вижу, на нем два плана. Но мне уж было не до того. Голова у меня с похмелья гудела, как завод. Я искал глазами, где прилечь. Около стены было пригорожено что-то вроде нар. Я повалился на постель в надежде, что проснусь и все окажется смешной шуткой. Только

кинжал все поблескивал в памяти и не давал покоя. Однако заснул я довольно скоро.

Когда я проснулся, двое кавказцев спорили за столом. Я смотрел на них прищуренными глазами. Пусть думают, что сплю. Один был молодой, с бритым подбородком. Другой был в бороде с проседью. Он поминутно снимал пенсне и стучал им по чертежу. Пенсне меня успокоило.

Они спорили во весь голос. Я сел на койке и крикнул. Оба сейчас же смолкли и обернулись ко мне. Седоватый сейчас же подскочил к койке и быстро заговорил:

— Кушать хочешь? Чай пить хочешь? Вина немножко хочешь? Курить хочешь? Скажи, чего хочешь.

Он очень ласково смотрел на меня. Молодой так и держал руку в волосах и черными глазами навывкате пристально меня разглядывал. Седоватый прошел в глубь комнаты — там чернел проход в рост человека, с метр в поперечнике.

— А как тут вас звать? — спросил я молодого.

— А зови как хочешь. Скажи как хочешь. Мы запомним.

Он совсем чисто говорил по-русски.

— Ну, зови его «Старичок», а меня — «Земляк».

Он засмеялся. Я глаза раскрыл с перепугу. Мне показалось, что во рту у него вдвое больше зубов, чем обычно бывает у людей. Будто весь рот зубами усажен. Белые и крепкие, как камень.

«Если такой укусит...» — подумал я, но не додумал.

Земляку, видно, не терпелось.

— Слушай, мастер. Иди сюда, — и он нетерпеливо хлопал рукой по плану. — Скажи, пожалуйста, — говорил он, — вот улица. Вот видишь: трамвай. Вот здесь, видишь: красным — это наш подкоп. Вот тут канализация. А вот тут какие-то кишки протянуты — должно быть, освещение.

— Постой, — сказал я. — Почему ты знаешь, что ваш ход идет так?

— Как почему? Компас. Вот север, — он показал на верх плана. — Вон видишь стрелку? Там начерчено, где север. Ты же знаешь, как на планах? Ты же мастер.

— Что ж, — сказал я, — вы прочертили прямую от пекарни до банка. По ней ведете подкоп. Направление держите по компасу. И думаете попасть как раз в кладовую, когда пройдете эти сто сорок сажений по плану. И думаете, как гвоздь вобьете?

— А что, нет? И вобьем, — сказал Земляк и со всей силой ударил кулаком в грудь. Хорошо еще, что в свою, а не в мою.

— Ух, какой ты умный! — Я прищурился на него и маленько головой поматывал. — Какой ты страшный!

Он еще больше выпучился, а потом вдруг заулыбался.

— Мастер, говори. А что, нет, не попадем?

— Какой ваш план? — стал кричать я. Я схватил со стола план и тряс ему перед носом. — Верста в дюйме. Ты мне покажи тут сажень, сажень ты мне покажи! Ну, какая она? Такая? Такая? — показывал я на ногте крошечки.

Земляк мой совсем обтек, глядел на меня — вот заплачет. И вдруг зашептал жалобно:

— Она очень маленький, сажень, совсем маленький... — Бедняга от волнения и русский язык забыл. — Ну, скажи, дорогой, как делать? Я могу понимать, я учился винодельческая школа.

— Эх ты! Школа! — сказал я. — Тут нужно сажень в дюйме.

— Вот сажень в дюйме. Есть сажень в дюйме. — Он схватил с койки свернутый в трубку план. Это был план здания Государственного банка, подробный, точный.

— Это банк! — кричал я. — Нужно улицу и город, а с этим планом мы попадем во двор. Да кто

его знает, — может, прямо в караульное помещение, к солдатам. На этом плане ты не можешь указать сажени, а ошибка в один аршин может загубить все дело. Это — барахло, а не работа.

Сам не понимаю. Я орал, как в строительной конторе на работах. Как будто я не пленник, а инженер, и передо мной стоит прораб, который прошляпил дело.

— Верно, верно, — шептал Земляк. Он вдруг сорвался, бросился в черный проход и что-то кричал на своем языке.

— Остановить работы, — приказал я. Черт знает, что на меня нашло. Я уже говорил «мы», «нас». Как будто в самом деле попал на стройку.

— Он уже кричал остановить, — сказал Старичок и кивнул головой в проход.

Я сел на койку, взял котелок и стал важно, не спеша, есть. В это время в мою контору из прохода стали входить люди. Они были в земле, на коленках подушки — прикрученные веревкой мешки.

— Подожди, — сказал я.

Пришел и Земляк. Они стояли в проходе, разглядывали меня.

Я пошел в проход. Люди расступились и пропустили меня. Проход быстро понижался. Я зацеплял потолок головой. Вдали светили оставленные людьми фонари.

Скоро мне пришлось стать на четвереньки. Наконец мне попалась под руку лопата, потом кирка. Вот свежекопаная земля. Ага, вот конец! Так, саженой пятьдесят накопано. Но что это за работа: нигде не подперто, каждую минуту земля могла обвалиться и засыпать работников. Но такое дело, что пожарных не вызовешь или аварийную команду.

Я пополз назад. Все выжидательно смотрели на меня. Я минуту молчал и хмурил брови. Меня злило, что так по-дурацки начато дело. Все молчали. Ждали.

— Вы копаете себе могилу, — сказал я наконец. — Нужно достать план водопроводных работ этого района. В городской управе, у Петра Афанасьевича Мышкина... Запомнил? — тыкал я Земляка.

Он нырнул рукой в волосы и крепко зажал их в кулак.

— Повтори, — сказал я.

— Петру Афанасьевичу Мышкину, — прошептал Земляк.

— Громче! — крикнул я.

Земляк повторил во весь голос.

— Чтобы к вечеру было!

Все переглянулись и оскалили зубы. Я спохватился: с разгону я не сообразил, что не знаю, который час.

— Сейчас девять вечера, — сказал Старичок. Вышло, я чуть-чуть сорвался. Но я не сдал ходу.

— Ну, так к утру!

Я скорей отвернулся и стал разглядывать план Государственного банка. Трое землекопов ушли в проход. Старичок и Земляк поднялись вверх по лестнице.

Я остался один. И вдруг тоска налетела на меня. Черт возьми, они копают эту яму наобум Лазаря! К дьяволу в зубы! Достанут ли они точный план? И что по пути нам встретится? Попадем ли мы через две недели куда надо, если нарвемся по пути на каменный массив? Сейчас они меня слушают, а через две недели...

Я вспомнил кинжал и сказал вслух:

— Как барашка! — и внутри у меня замутило. То я старался глазами пронизать всю толщу земли от нас до банка, то вдруг ноги неудержимо просились к лестнице, головой пробить этот люк на потолке и броситься вон, к двери, на волю. Пусть на дороге зарежут. Только бы на свету, а не в погребке. Я уж невольно двинулся к лесенке, как вдруг люк отворился и спустился кривой. Он устался на меня и стал шепотом говорить:

— Ты смотри! Ты помни! Две недели — пасха. Ваш русский пасха. В банке не будем — тебя не будет. На волю дырку не копай. Вперед тебя

наши будут. Ты последний идешь. Или в банк, или на тот свет дорогу копаешь.

Я решил осердиться:

— Что ты меня пугаешь? Я уже пуганный. Я вам дело говорю, а нет...

— А нет, мы другого человек поймаем. А тебе здесь могила будет.

На минуту я струсил. Так он страшно глядел на меня своим глазом. Я его так возненавидел, что мне стало все равно. Я отвернул голову, чтобы не глядеть, и со всего маху стукнул кулаком по столу.

— Да пошло оно все... — заорал я не своим голосом.

Но в это время из прохода высунулись землекопы. Я не знаю, что тут вышло в этой подземной клетушке. Помню, что была возня и я забился в угол на койку. Они что-то кричали по-кавказски и все навалились на кривого. Потом он быстро взбежал вверх. Землекопы мои запыхались. Потом один присел ко мне и сказал:

— Ты не серчай ему. Нервный человек. Ему штыком солдат глаз колол.

— Я-то чем виноват?

У землекопов в земляной нише была керосинка, харчи. Мы пили чай, и все опять было похоже на то, как будто я на работах, а они сезонщики. Я закурил и заснул с папиросой во рту. Меня разбудил Земляк. Он принес-таки план.

Настоящий план района в крупном масштабе! Внизу была подпись городского архитектора и печать городской управы.

— Ловко! — сказал я.

Земляк улыбался.

— Хвалю, молодец! Где твой компас?

Земляк ушел в проход и тотчас принес мне новенькую астролябию на подрезанном штативе. Все чертежные приборы — циркули, линейки, транспортир — уже оказались на столе. Я принялся за дело.

Я проверил направление подкопа. Земляк ошибся: тоннель привел бы нас во двор банка, рядом с караульным помещением. Надо было взять на десять градусов левой. Земляк смотрел мне в руки, когда я работал.

— Ай, ай, ай! — закричал Земляк. — Значит, все пропало. Пятьдесят саженей пропало.

Землекопы высунулись из прохода на этот крик. Я все-таки дал им минуту погоревать.

— Исправить можно, — сказал я.

Я сам стальной рулеткой точно промерил длину подкопа. Я показал, как повернуть, чтобы на ломаной линии попасть точно в намеченную точку.

Я слышал, как над нами, там, в конце подкопа, грохотали трамваи. Земля мелко сыпалась с потолка. Звуки глухо доносились вниз, и теперь я знал, когда начинается день и когда наступает

глухая ночь. Я распорядился, чтобы достали чурбанки и плахи и подперли тоннель.

— Точно вот по этому направлению и вести работу, — сказал я Земляку и показал на плане мою линию. — Каждую сажень подпирать. Выработка — в два часа сажень. Тогда у нас будет три дня в запасе. И к пасхе мы будем там.

Я звонко щелкнул ногтем по плану и в ту же минуту оглянулся на дверь. Из черного люка глядел на меня острый глаз.

Я лежал на койке. Старичок приносил мне есть, как больному. Я ел неохотно: недоедал, отказывался от вина. В «нашей» конторе стоял дым от моих папирос, и Земляк каждые два часа докладывал мне, сколько прокопали и какой грунт. Не знаю, сколько дней прошло, я не ходил в тоннель, а сюда не слышать было трамваев. Дни я считал по тому, сколько раз таскали мешки. Землю отвозили на слободку, в хлебном фургоне, и выбрасывали в тот овраг, где я застрял, возвращаясь с пирушки. Но скоро я перестал считать дни. Кривой не появлялся, и никто не шагал наверху по полу: может, он и ходил в чулках.

Но один раз Старичок сказал мне:

— Посмотри, дорогой, посмотри, мастер: там кишки пошли какие-то!

— Ну ладно.

Шахта была подперта по всем правилам. Я стал проверять направление от поворота, где шла линия уже по моему плану. Что за чертовщина! Сначала линия шла совершенно прямо, а потом она уклонялась все левей и левей. Земляк светил мне электрической лампой. Это по моему распоряжению весь вход осветили электричеством.

— Опять натворили чудес! — ворчал я. — Оставьте вас только на три дня. Чего же это вы влево взяли? — обернулся я к Земляку.

Он внимательно смотрел на меня добрыми, овечьими глазами.

— Не брал лево. Честное слово, по компасу.

— Давай компас, — сказал я.

Я проверил направление. Земляк был прав. Ход шел по намеченному мной курсу.

— Что за притча?

Я вернулся обратно к тому месту, где начинался мой поворот.

Нет, и я прав. Отсюда ход идет только по курсу. Значит, компас поворачивает влево, потому что я по огням свечек наметил прямую, и ход нашего подкопа ясно уклонялся влево.

Я велел вынести вон из шахты весь железный инструмент. Совсем вон, в нашу контору: может быть, железо оттягивало магнитную стрелку и путало показания компаса? Где же компас показывает верно? В начале поворота или там, где

наш путь закрутился влево? Сказать правду: в этот момент у меня внутри все похолодело.

Я еще три раза проверил мои наблюдения. Я стал раздражаться и покрикивал на землекопов, как будто они в чем-то виноваты.

Наконец я вылез из шахты, от волнения не берегся и набил себе темя о скрепи. Это меня еще больше обозлило. Я сел в конторе на койке и закурил. Мне противно было, что Земляк стоит там, у стола, и внимательно глядит на меня. Глядит на меня, как на больного.

— Чего уставился? — крикнул я. — Не видишь, какую кривулину гнем? Это тебе не винный подвал. Чего стоишь? Скажи, чтобы не копали.

Земляк ушел. Очень нерешительно ушел.

Я курил папиросу за папиросой. Вернулся Земляк. Он осторожно присел рядом со мной, тихонько положил руку на колени и сказал тихо, почтительно:

— Скажи, мастер, куда копать? Где компас верный?

— Ничего я не знаю, будь оно проклято! Копайте могилу и себе и мне. Ну вас!

Я лег на койку, поднял воротник и натянул на уши кепку. Однако я слышал, как Земляк поднялся по лестнице вверх, а через минуту стали спускаться вниз много, не один. Я не оглядывался. Черт с

ними! Пусть как хотят. Я слышал, что много народу говорит в нашей конторе. Вдруг все замолкли. Я услышал, как Старичок позвал меня:

— Мастер, слышишь, мастер!

Я не оглядывался, не шевелился. Но меня за плечо повернули к свету, и я увидел, что это кривой.

Контора была полна людей. Двое были в муке, — видно, что сейчас из пекарни. Все смотрели на меня. Из прохода глядели землекопы.

— Чего не копаешь? — крикнул кривой. — В чем твое дело? Говори! — и он присунулся близко к моему лицу. И опять глаз, как пистолетное дуло, вперся в меня. Я тихонько отпихнул кривого назад и сел на койку.

— Режьте меня сейчас, — сказал я, — хоть живым в землю зарывайте, а я не знаю, в чем дело. Компас кривит. Спросите его, коли не верите, — я кивнул на Земляка. Земляк мотнул утвердительно головой и что-то сказал по-своему.

Я ничего не понимал и взглядывал на Земляка. Но он не глядел на меня и разговаривал с кривым. Старик два раза бросил на меня взгляд, но лучше бы уж не глядел: ничего хорошего для меня во взгляде не было. Я опустил голову. Папироска дрожала у меня в руке. Я едва попал в нее спичкой. Но тут все опять замолчали, и Старичок сказал:

— Вставай, иди меряй. Это тебе будет последний раз!

Меня подняли с койки: сам я встать не мог. Меня пропихнули в тоннель. Я не мог стоять. Я встал на коленки и пополз. Я дополз до поворота. Тут стояла астролябия, а там, впереди горело два огонька, по которым я определял направление работ. Я лег пряжкой на землю. Было совсем тихо. Уж действительно, как в могиле. Люди молчали, — видать, ждали. Трамваев не было слышно. Земля молчала.

«Значит, ночь, — подумал я, — трамваи не ходят».

Я повернулся лицом вверх и стал смотреть в потолок. Он был от меня в полутора метрах.

И вот эти самые кишки — провода, про которые говорил Старик, — их подвязали веревкой к перекладинам, как я велел.

«Развязать веревку и удавиться, — подумал я. — Низко, но я подожду коленки. Тогда режь покойника хоть на котлеты».

Я приподнялся: надо было переставить астролябию, чтобы не мешала. Понятно, что я не очень спешил. Я даже еще раз взглянул в астролябию. Что за дьявол? Компас не кривил и показывал точно. Я стоял на коленках, глядел через прорези на огоньки и не верил глазам.

Я перенес астролябию дальше. Компас уверенно и спокойно показывал то же самое. Я носился с астролябией по всему нашему ходу, компас отмечал все то же.

— Что ж ты, мерзавец, раньше-то? — это я уж застонал вслух. — Ведь меня резать хотят, а ты вон что?

Я обернулся и крикнул во всю глотку:

— Земляк! Иди проверь! Компас на месте.

Я вошел в контору и нахально глянул кривому в глаз.

Минуты через три вернулся Земляк. Он был красен и чуть не плакал от счастья.

— Что ты там сделал, мастер? — закричал он.

— Ничего не сделал, — сказал я. — А ты дурак! — Я видел, как двинул бровями Земляк. — И я дурак! — прибавил я и ткнул себя пальцем в грудь.

Я сейчас же потребовал есть. Я ел и не мог наесться. Земляк несколько раз просил меня объяснить, что случилось с компасом, но я отвечал ему всякие глупости.

Я ни с кем не разговаривал, курил, сплевывал, распорядился. Я потребовал, чтобы работы вели в три смены, а землю пускай хоть едят — не мое дело.

Теперь все ходили копать. Приходил и кривой. Он каждый раз пронзительно взглядывал на

меня, но я глядел на него, как на стенку, и отдувался дымом; я курил не переставая. Люк часто открывали, потому что в тоннеле становилось душно, люди вылезали оттуда потные, все в земле и скользкие, как черви. Работали до поту, раздевшись чуть ли не донага.

Каждые шесть часов я ходил проверять длину. Остальное время я жрал, курил и валялся на койке. Я чувствовал, что я обрюзг, отяжелел. Щеки обросли щетиной, и тупая сонливость овладела мной. Всякое волнение на время покинуло меня, как будто действительно копали ямину для винного погреба. Наконец мне сказали, что осталось три дня.

— Осталось три сажени, — сказал я и сплюнул через зубы.

За день до срока, — это, значит, был канун пасхи, — я сказал: «Стоп»!

Я знал точность моих измерений. Больше чем на полсажени я ошибиться не мог. По моим расчетам, мы подкопались под самую середину кладовой банка, а кладовая была три сажени в ширину, восемь сажен в длину. В какую бы сторону я ни ошибся, мы выйдем наверх обязательно внутри кладовой.

Но если мои расчеты неверны? Если планы, которые были у меня в руках, сняты неточно? Если мы действительно попадем в караульное

помещение? На секунду я оледенел от этой мысли, но даю слово: на одну секунду, а потом мне становилось опять все равно.

Я сам забил кол в том месте, откуда мы должны рыть яму вверх. Теперь я сидел в конторе и каждые десять минут поглядывал на часы. Я знал, что был вечер, а в девять часов было назначено начать работу вверх. Чтобы скоротать время, я требовал то кофе, то еды.

В половине девятого Земляк снова взял рулетку и опять пошел промерять, не знаю, вероятно, в сотый раз. Потом он подошел ко мне, молча глядел на меня. Минуты с три, не больше.

Но тут открылся люк, и стали спускаться люди.

Теперь командовал кривой.

Впереди пошли три землекопа, за ними какой-то человек, которого я раньше не видел, потом Земляк, за ним Старичок, потом кривой велел идти мне.

Требовать иного порядка я не смел: обогнать Старичка и пойти впереди него в этом узком проходе было невозможно. Сердце мое колотилось от досады и злобы, но делать было нечего.

Наконец все остановились. Я слышал, как впереди начали работать землекопы. До верха должно было оставаться не больше полсажени. Я слышал, как лопата царапнула по цементному полу

подвала. Вот осторожно садят ломом. Стуку было очень мало.

Цемент легко треснул. Большие куски передавали с рук на руки. Говорили шепотом. Старичок двинулся впереди меня. Я понял, что дыра пробита.

Но пройти в дыру мне не дал кривой. Он цепко схватил меня за ногу.

«Ага, вот оно!» — подумал я. Я ждал удара кинжалом и прикрыл руками шею.

— Стой здесь со мной, — шептал кривой. — Там пол работают.

Действительно, я слышал, как наверху ломали. Я закрыл глаза, хотя все равно было темно. Я скорчившись сидел на куче земли и слышал, как кто-то рядом со мной хрипло дышал. Сверху что-то говорили по-кавказски.

Куда попали? Может быть, в общий зал, а может быть, в глухое помещение архива? Я старался не думать, но это было так трудно. Мне хотелось крикнуть Земляку: «Ну как?» Но я боялся пошевелиться. Кривой все крепче жал мою ногу, он накрутил на кулак штанину и вертел ее все туже и туже.

Наверху все замолкло. Я не знал, куда они провалились. Мне казалось, что время запуталось в этой темноте, стало на месте как вкопанное. Да и не все ли равно! Я решил, что больше уж никогда не

увиджу свет. Наконец я услышал осторожные голоса.

Кривой совсем было насел на меня, но теперь он поднялся и тащил меня назад. Мы стали пятиться.

Я снова начал беспокоиться думать, что значит это отступление. Голоса впереди глухо гудели. Вдруг я увидел, как вдоль по тоннелю что-то пересовывали от одного к другому. Вот оно уже у Старичка в руках, вот он переталкивает мне, говорит:

— Давай дальше.

Я пропихнул кривому плотный сверток, кило с пятью весом. Потом пошло больше и больше.

Я понял, конечно: удача. Это деньги.

Я и Старичок стояли в пекарне.

— Ты знаешь, — сказал Старичок, — тебя искали. Твоя хозяйка в полиции говорила, что ты пропал. В газете было...

Я уже плохо понимал, что он говорил. Я слышал через закрытые двери волю. Я слышал, как гудят пасхальные колокола, как гомонят прохожие ночными гулкими голосами.

А Старичок все говорил, говорил...

Я только понял, что меня не пускают потому, что надо идти непременно с ними.

Наш пароход уходил в три часа ночи. Старичок, кривой и Земляк вместе со мной поместились в одной каюте. Где были остальные, я не знал.

Я не видал, куда они дели деньги. Насколько помню, их было мешков пять. На пароходе я не узнал кривого — не потому, что он переделся, не потому, что он успел постричь и расчесать бороду. Нет, веселый и приветливый человек сидел против меня на пароходной койке. Он глядел на меня, как, пожалуй, мать смотрит на сына, когда лет десять его не видала. Он поминутно хлопал меня по колену, говорил что-то по-кавказски и приговаривал по-русски:

— Ты хорош человек. Очень милый человек. Совсем хороший мастер, — и опять по-своему и опять по-русски. — Завтра, — говорит, — что хочешь, сегодня не надо.

Когда я выходил из каюты на минутку, на две, кривой выходил со мной, но я уже на него не сердился. Он хлопал меня по плечу, и мне было приятно, когда он говорил:

— Постой, милый мой, немножко. Завтра иди, куда хочешь.

Я уже засыпал, как вдруг в темноте кто-то толкнул меня в плечо. Из темноты я услышал, как Земляк говорил:

— Милай, пожалуйста, прошу, скажи, компас?

Ну, как я мог ему отказать, когда мне только и хотелось, что улыбаться! И я сказал:

— Астролябия стояла под этими кишками. Помнишь, под проводами. Это трамвайные провода. Подземный кабель. Весь день до поздней ночи по ним идет ток, пока ходят трамваи. Этот ток и поворачивал магнитную стрелку, пока ходили вагоны. Случайно, когда вы собрались меня резать, — я даже улыбнулся, когда вспомнил про это, — было это в глухую ночь, когда молчат трамваи.

Сквозь сон я слышал, как наш пароход останавливался, как наверху топали по палубе. Я взглядывал в пароходное окошко, но там было мутно. Я заворачивался с головой в одеяло. Мне хотелось сделать себе подарок. Мне хотелось открыть глаза и сразу увидеть яркий дневной свет.

Так и вышло. Я проснулся — и солнце в каюте. Я так обрадовался, что погладил рукой на стене солнечные пятна. Но в каюте я оказался один. Товарищи исчезли.

На пароходе их не оказалось.

Под подушкой я нашел небольшую пачку денег и записку. Из записки я узнал, что деньги-то эти как раз те, что красные не успели с собой увезти из нашего города, — белые навалились и поставили

в банке свой караул. А они копали, чтоб свое золото выручить.

Только тут я понял, кто они были.

На октябрьском вечере товарищ Н. в своих воспоминаниях, посвященных подпольной работе в тылу у белых, вскользь упомянул и об описанном случае с пекарней.

«Действительно, — рассказал товарищ Н., — с трудом налаженное дело увоза золота, которое не успели вывезти от белых, чуть не сорвалось из-за какого-то полупьяного чудака, который задумал разыграть из себя сыщика. Нам ничего не оставалось, как взять с собой этого человека, и он неожиданно, несмотря на свою трусость и небольшие умственные способности, принес нам кое-какую пользу.

Мы ему представлялись какими-то страшными разбойниками; со страху ему казалось, что мы готовы его живьем в землю закопать.

По соображениям, вполне понятным, ему не открывали, кто мы такие.

В истории с подкопом товарищи проявили немалую выдержку. Легко себе представить, что всем нам грозило, если бы белые пронюхали про подкоп. Но подпольный ревком поручил нам выручить золото, и мы это дело выполнили».

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**